

Чжао Чжэнь усмехнулся:

— Что, испугался еще до боя? Ладно, кликни меня дедом, и на этом закончим.

Цзинь Сюань плюнул на землю. Опираясь одной рукой о пол, другой придерживая золотой халат, он с трудом поднялся и процедил:

— Дед здесь, внучек. Я должен бояться такого неудачника, как ты? Сейчас только начался час Инь, через час, в час Сюй, встретимся на охотничьих угодьях. Говорю тебе, убить тебя будет так же легко, как год назад я прикончил твоего отца-долгожителя.

Услышав это, человек рядом с Чжао Чжэнем встал. Стройная фигура и бледно-желтый халат подчеркивали его утонченную внешность. Он поспешил поклониться и извиниться:

— Пожалуйста, господин Цзинь, проявите милосердие. Ачжэнь выпил лишнего и вел себя неподобающе. Господин Цзинь, будьте великодушны, не обращайтесь внимания на этого парня.

Правая щека Цзинь Сюаня была сильно опухшей, и ему пришлось широко раскрыть глаза, чтобы разглядеть пришедшего. Вглянувшись, он произнес:

— А это кто? Тун Цзинфэй, послушай меня: сегодня Чжао Чжэнь должен умереть.

Сказав это, он злобно рассмеялся. Уголки рта вздернулись вверх, делая распухшую правую щеку еще более устрашающей.

— До часа Сюй еще есть время. Сегодня даже если придется звать подмогу, я обязательно прикончу Чжао Чжэня. Осмелился задеть меня — придется заплатить цену. Максимум придется выплатить немного серебра, не так ли? В моей семье всего и нет, кроме серебра. Чжао Чжэнь, когда тебя будут хоронить, если не хватит серебра, приснишь Тун Цзинфэю, пусть он передаст мне, я сожгу тебе его с избытком.

Слушая эти оскорбления, Тун Цзинфэй сжал кулаки. Он заставил себя глубоко вздохнуть и спокойно произнес:

— Послушайте, брат Цзинь. Я уважаю ваше первое место в Красном списке. В этих книгах есть места, которые я не до конца понимаю. Прошу вас, брат Цзинь, последуйте со мной в библиотечный павильон Цинъюнь и дайте мне возможность задать вопросы.

Лицо Цзинь Сюаня выразило пренебрежение:

— Что, умоляешь? Говорю тебе, что бы ты ни говорил, и что бы ни говорили другие, раз ты ударил меня в лицо, жизнь Чжао Чжэня сегодня закончится!

Тун Цзинфэй с подобострастной улыбкой склонился в поклоне:

— Прошу вас, брат Цзинь.

Цзинь Сюань потер правую щеку, холодно хмыкнул и шагнул из Павильона Небесного Аромата.

Тун Цзинфэй тихо сказал Чжао Чжэню:

— Успокойся, я попробую за него похлопотать. Позже принесешь извинения Цзинь Сюаню, так что не ходи на охотничьи угодья.

Чжао Чжэнь махнул рукой:

— Ни за что. После того как он убил моего отца, это не кончится.

Тун Цзинфэй заволновался:

— Дядя ушел, но ты должен хорошо жить!

Чжао Чжэнь холодно ответил:

— Конечно, я буду жить, но сначала я должен убить этого скота по фамилии Цзинь.

Тун Цзинфэй взглянул на фигуру Цзинь Сюаня, который уже почти вышел из павильона, и поспешил добавить:

— Я пойду вперед, ты не забудь потом прийти и извиниться, хорошо?

Чжао Чжэнь твердо произнес:

— Никогда.

Тун Цзинфэй вздохнул и поспешно последовал за золотистой фигурой, покинув Павильон Небесного Аромата.

Фан Чжи невольно посмотрел в окно. Хотя только что наступил час Инь, снаружи стояла крошечная тьма. Тяжелые тучи нависли слоями, небо было мрачным, а крупные капли дождя, размером с фасоль, яростно и часто хлестали по окнам, издавая звонкий стук.

В комнате царил тишина, пол был в беспорядке. Неизвестно, кто первым произнес:

— Ешьте, ешьте.

Только тогда в комнате снова появилась жизнь, и разговоры оживились.

Чу Сянань увидел, что чашка Фан Чжи пуста, протянул руку, взял маленькую пиалу, зачерпнул две ложки густого супа, затем добавил несколько кусочков нежного мяса черной курицы и поставил перед Фан Чжи:

— Сейчас остынет, быстрее ешь.

Фан Чжи с того момента, как Чу Сянань взял пустую чашку, не сводил с него глаз, пока пиала с супом не оказалась перед ним. Его сердце растаяло. Он обеими руками прижал чашку, согревая ладони, и посмотрел на Чу Сянаня большими блестящими глазами, мягко произнося:

— Сянань, ты так ко мне добр.

Чу Сянань улыбнулся:

— Ешь давай.

Он тоже опустил голову и начал накладывать еду. Хорошо это или плохо, подумал Чу Сянань, но, глядя на Фан Чжи, он все чаще ловил себя на искренней улыбке.

Он не забыл дней, проведенных с Гуань Юэ в прошлой жизни. Была теплота, было волнение, но больше было боли — такой жестокой, такой ужасной, что вгоняла в отчаяние.

А что насчет Фан Чжи? Он тоже загонит его в тупик, как Гуань Юэ? Чу Сянань невольно повернулся к красивому юноше, который старательно выбирал рыбные кости. Глаза юноши засветились — казалось, он справился с задачей. Он пошевелил слегка затекшими пальцами и без колебаний придвинул небольшую пиалу с мягким белым мясом рыбы к нему.

Фан Чжи сиял яркой улыбкой, его голос был чистым и звонким:

— На, для тебя.

Вскоре лицо Линь Юна исказила боль, он застонал, держась за живот:

— Простите, ребята, мне нужно отлучиться. Продолжайте, ешьте. Я схожу в отхожее место.

Жэнь Чанши с беспокойством спросил:

— Тебе помочь?

Линь Юн смущенно ответил:

— Нет, нет, чем ты тут можешь помочь?

Жэнь Чанши и Дун Цзянь рассмеялись, Фан Чжи тоже улыбнулся. Чу Сянань тихо спросил:

— Что случилось?

Любитель послушать сплетни. Фан Чжи сдержал смех:

— Расскажу после еды. Говорить об этом за столом — только портить настроение.

Он посмотрел на стихающий за окном дождь и не мог не вздохнуть:

— Дождь все не прекращается. Твой друг детства... словно пророк.

Он хвалил его, крадучись наблюдая за выражением лица Чу Сянаня. Заметив, как лицо Чу Сянаня смягчилось при упоминании друга, Фан Чжи почувствовал, что радостные пузырьки, всплывшие в его душе от горячего супа, только начали парить, как были грубо раздавлены банкой кислого уксуса.

— Да, — виновник и не подозревал, что снова подлил масла в огонь. — Владение мечом у Чан Гэ тоже превосходное. Раньше, когда мелкие хулиганы хотели меня обидеть, именно Чан Гэ прогонял их.

Фан Чжи пробурчал:

— Я тоже хорошо владею мечом. И не только мечом, но и луком.

Чу Сянань, видя, как этот щенок снова выглядит так, будто его косточку бросили в воду, молча сменил тему:

— Ты зонт захватил? Если дождь не прекратится, как ты доберешься до дома?

Фан Чжи томно вздохнул:

— Добегу домой. Пусть ледяные капли дождя падают на меня, проникая мне в самое сердце.

Быстрее попроси остаться, скорее скажи, что проводишь меня домой!

Но Чу Сяннань спокойно произнес:

— Ну ладно.

Фан Чжи:

— ... Мне так холодно, мне так больно на сердце.

Чу Сяннань, увидев его притворно раненый вид, улыбнулся и успокоил:

— Ладно, ладно, провожу тебя домой.

Дождь снаружи начал стихать, капли стали заметно меньше, только что ливень превратился в мелкую морось. У входа в Павильон Небесного Аромата, шатаясь, вошел человек. Вглядевшись, можно было узнать Тун Цзинфэя. Его одежда была в беспорядке, походка неуверенной, лицо белым, он выглядел так, будто его напугал призрак, и был явно не в себе. Ворот халата был поднят, руки скрещены на груди.

Чжао Чжэнь поспешно спросил:

— Что случилось? Цзинь Сюань тебя обидел?

Тун Цзинфэй нервно избег прикосновения Чжао Чжэня:

— Нет, нет.

— Тогда что произошло?

Тун Цзинфэй лишь часто качал головой. Он повернулся и схватил руку Чжао Чжэня, дрожа, произнес:

— Чжао Чжэнь, давай уйдем. Бросим учебу, хорошо? Давай уйдем!

Чжао Чжэнь холодно сказал:

— Цзинь Сюань тебя обидел? Этот ублюдок, я сейчас же его прикончу!

Тун Цзинфэй продолжал качать головой:

— Нет, нет.

Говоря это, он разрыдался:

— Ачжэнь, лучше ты уходи, не то втянешь меня. Беги, не возвращайся. Уходи скорее!

Чжао Чжэню было невыносимо больно, забыв о приличиях, он при всех крепко обнял Тун Цзинфэя и тихо успокаивал:

— Цзинфэй, не плачь. Что бы ни сказал Цзинь Сюань, не верь ему, со мной ничего не случится,

верь мне. Что он тебе сказал? Скажи мне, хорошо?

Тун Цзинфэй ничего не отвечал, лишь плакал у него на груди, как весенняя слива под дождем, и без конца мотал головой.

Увидев эту сцену, Чу Сяннань широко раскрыл глаза:

— Они пара?

— Да, вместе с самого поступления.

Фан Чжи ответил на слова Чу Сяннаня, затем обернулся и посмотрел на подол халата Тун Цзинфэя, скрытый телом Чжао Чжэня, нахмутив брови.

Дождь продолжался, ученики сновали то туда, то сюда, постоянно входя и выходя из Павильона Небесного Аромата. Вскоре вернулся и Линь Юн. Пояс у него был развязан, он тяжело дышал и плюхнулся на свое место. Он схватил остывший чай рядом и жадно выпил его залпом, лишь затем утолив жажду.

Жэнь Чанши с удивлением произнес:

— Линь Юн, твое лицо выглядит намного лучше.

<http://bllate.org/book/16491/1498763>